

Турышева О. Н.
Екатеринбург, Россия

АКСИОЛОГИЯ КНИГИ И ЧТЕНИЯ КАК ПРЕДМЕТ ЛИТЕРАТУРНОЙ РЕФЛЕКСИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ТВОРЧЕСТВА ВЛАДИМИРА СОРОКИНА)

Переживание современности как эпохи кризиса литературоцентризма понятным образом обострило вопрос о ценностном статусе книги и чтения, в том числе и в самой литературе. Выразительным свидетельством художественно оформленной рефлексии такого рода является роман Владимира Сорокина «Манарага» (2018). Его футуристический сюжет покоится на фантазии о том, что в цифровом мире бумажная книга может сохранить свою функцию только в качестве топлива для приготовления кулинарных шедевров. По мысли М. Липовецкого, это «роман о том, как книга становится новым источником сакральности» [Липовецкий 2018: 640]. При этом в одном из интервью М. Липовецкий говорил о том, что сакрализация книги в «Манараге» стала для него полной неожиданностью [Писатель Генис: электронный ресурс]. Действительно, в сравнении с более ранним творчеством Вл. Сорокина пафос рефлексии о литературе в его последнем романе меняется на противоположный: начиная с романа «Норма» (1970–80-е гг.), Сорокин на протяжении двух десятилетий сосредоточено исследовал негативную власть дискурса, в том числе и художественного. Одно из ярчайших выражений разоблачительной интенции, направленной на литературу, представляет собой роман Сорокина «Роман» (опубл. 1994), содержащий мысль о чтении как акте насилия художественного слова над сознанием и телом читателем. В связи с этим удивление, которое вызвал роман «Манарага» у известного исследователя, кажется вполне оправданным.

Последнему роману Сорокина предшествует корпус текстов, в которых писатель ставит вопрос об опасности самой десакрализации литературы. Это романы «Ледяной трилогии» (2002–2005): «Путь Бро», «Лед», «23 000». С одной стороны, они развивают мотив сорокинского творчества 1990-х, связанный с утверждением насилия литературы над читателем. Но с другой стороны, это открытие исхо-

дит уже не от безличного повествователя, как, например, в «Романе» (что может быть воспринято в качестве имитации авторской точки зрения), а вкладывается в уста антигероя, идеолога тоталитарного проекта. Такое нарративное решение, безусловно, является фактором дискредитации того взгляда на литературу, который Сорокин исповедовал в творчестве предыдущих десятилетий в опоре на постструктуралистскую мысль о словесности как форме идеологии. В «Ледяной трилогии» дегуманизирующим фактором выступает уже не власть литературы, а наоборот, присвоение ей репрессивной функции.

Таким образом, внимание к нарративному оформлению «Ледяной трилогии» позволяет выдвинуть идею эволюционного развития сорокинской рефлексии о литературе: в 90-е годы писатель деконструирует литературоцентризм и разоблачает сакральный статус книги; в начале 2000-х гг. он размышляет об опасности самой десакрализации литературы; а в позднем творчестве, метафорически отождествляя литературу с сакральной жертвой, наоборот, утверждает ее непреходящую ценность.

Литература

Липовецкий М. Автопортрет художника с грилем: «Манарага» и литературоцентризм // «Это просто буквы на бумаге...». Владимир Сорокин: после литературы. М., 2018. С. 634–648.

Писатель Генис и литературовед Липовецкий обсудили писателя Сорокина. URL: <http://lit-ra.info/articles/pisatel-genis-i-literaturoved-lipovetskiy-obsudili-pisatelya-sorokina/> (дата обращения: 14.05.2018).

Эртнер Е. Н.
Тюмень, Россия

«ХАРАКТЕРНАЯ СИБИРЬ» В РУССКОЙ ПРОЗЕ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ЦЕННОСТНЫЕ АСПЕКТЫ

Традиционное видение мира, воссозданное русской классикой, «по преимуществу пространственно», более того, «географично» [Топо-